

Тиво Виолетта Сергеевна

Преподаватель,
Устьянский индустриальный техникум
(п. Октябрьский, Архангельская область,
Россия)
E-mail: vita.tivo@mail.ru

Tivo Violetta Sergeevna

Lecturer,
Ustyansky Industrial Technical School
(Oktyabrsky, Arkhangelskaya oblast', Russia)
E-mail: vita.tivo@mail.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА
БОГАТЫРСКОГО КОНЯ: ОТ БЫЛИНЫ
К МУЛЬТФИЛЬМУ**

**VERBALIZATION OF THE HEROIC
HORSE IMAGE: FROM THE
BYLINA TO THE ANIMATED FILM**

Аннотация. Статья исследует интертекстуальные связи русских былин и анимационных фильмов о русских богатырях арт-студии «Мельница» («Алеша Попович и Тугарин Змей» (2004), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006), «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» (2007)), выявляя соотношение традиций и инноваций в речевой репрезентации образов богатырских коней.

Abstract. The article analyzes the intertextual relations of the Russian bylinas and animated films about Russian bogatyrs from the animation producer “Melnitsa” (“Alyosha Popovich i Tugarin Zmey” (“Alyosha Popovich and Tugarin the Serpent”) (2004), “Dobrynya Nikitich i Zmey Gorynych” (2006), “Ilya Muromets i Solovey Razboynik” (“Ilya Muromets and Nightingale the Robber”) (2007)), revealing the correlation between traditions and innovations in the verbal representation of the heroic horse images.

Ключевые слова: лингвофольклористика, когнитивная лингвистика, лингвистика медиа

Keywords: linguistic folklore, cognitive linguistics, linguistics of media

Введение

Цикл анимационных фильмов о русских богатырях, создаваемый арт-студией «Мельница» начиная с 2004 г., неизменно привлекает внимание зрителей: об этом свидетельствуют многочисленные номинации фильмов из этого цикла на премии различных творческих конкурсов, а также активное обсуждение сюжетно-образной специфики, визуальной и речевой основы мультфильмов, их эстетической ценности и нравственного потенциала, в том числе изучение этих проблем в трудах по теории и истории культуры, в работах по искусствоведению, а также в публикациях отечественных педагогов¹. В фокусе нашего внимания оказалась филологическая составляющая подобного рода сопоставлений: в какой мере анимационные фильмы о русских богатырях сохраняют свою фольклорную основу и какие средства и способы

¹ Кокарев И. С. Идея богатырства в русской культуре: дис. ... канд. культурологии. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. – 155 с.; Горопчина Л. В. Возвращение к истокам, или вновь о героях русских былин // 1 сентября. Литература. – 2010. – № 10. – С. 12–14 и др.

используются для ее трансформации. Предметом обсуждения в данной статье является образ богатырского коня – семантический инвариант, весьма подробно репрезентируемый в образах верных спутников героев былин «киевского цикла» и реализуемый в анимационных фильмах арт-студии «Мельница» в образах Бурушки, коня Ильи Муромца, верблюда Васи, на котором перемещался Добрыня Никитич, говорящего коня Гая Юлия Цезаря, приобретенного у цыган Алешей Поповичем, ослика Моисея, на котором путешествовали его спутники, и некоторых других персонажей.

Основная часть

В современной лингвофольклористике выделилось научное направление, в котором исследуются базовые концепты основных фольклорных жанров: сказки, лирической песни, былины и др.¹ Типичной для русских былин, по мнению И. П. Черноусовой, является следующая взаимосвязь концептов: служение Родине (социокультурный концепт), охрана ее от внешнего врага определяет реализацию этических концептов (бегство и погоня, дарение, женитьба, заклинание, запрет, награждение, наказание, помощь, сватовство, служба / испытание, хвастовство, честь-хвала) в сочетании с религиозно-этическими (благословение, паломничество), эстетическими (красота) и эмоциональными (горе / невзгода / печаль). Эти концепты воплощаются в сюжетно-фабульной основе русской былины, мотивируют поведение различных ее персонажей в контексте репрезентации фольклорно-языковой картины мира, служат для реализации типичной для фольклорного текста функции социальной регламентации, явного разделения мира на «своих» и «чужих». «Свое» в былине проявляется на различных уровнях восприятия мира (макро- и микрокосмическом), находит воплощение в социально-бытовой, этнически-религиозной и мифологической сферах, реализуется как сочетание человеческого и нечеловеческого, естественного и сверхъестественного, профанного и сакрального, живого и мертвого, близкого и далекого, доброго и злого, может принимать антропоморфный и неантропоморфный образы. Ярким представителем «своего» мира в былине является спутник богатыря во всех его деяниях – богатырский конь.

Конь занимает особое место в мифологической картине мира, образ этого животного относится к числу универсальных эпических образов, он связан с богами и героями, взаимодействует с образами обожествленных стихий; являет собой воплощение силы, преимущества над врагом, служит символом мудрости и добра, оберегом от темных сил². В произведениях героического эпоса различных народов рядом с богатырем традиционно описывается и богатырский конь – верный друг и помощник в ратном деле, достойный своего хозяина, его второе «я»³. Исследователи про-

¹ Черноусова И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале концептосферы волшебной сказки и былины): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Елец: [б. и.], 2015. – 51 с.; Карпова В. В. Концепт «чудо» в вологодской волшебной сказке: функции текстообразования, система лексических и грамматических репрезентаций: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2018. – 214 с. и др.

² Мифы народов мира. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Mifologia (дата обращения: 28.11.2019).

³ Кульсарин Н. Г. Образ богатыря в русском и башкирском героическом эпосе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: [б. и.], 2014. – 24 с.; Алиева Ф. А. Образ коня в эпических

анализировали язык русской былины и достаточно полно описали комплекс языковых средств, репрезентирующих внешнее описание богатырского коня, специфику его поведения и особенности взаимодействия с хозяином, акцентируя внимание на богатстве и многообразии речевых формул – устойчивых эпитетов (*на добра коня*), нарративных клише (*стал он силушку конем топтать, стал конем топтать, копьем колоть*), поэтических метафор (*ах ты, волчья сыть, травяной мешок*), различных форм параллелизма (*с горы на гору стал перескакивать, // с холмы на холмы стал перемахивать*) и т. д., отмечая активное использование при описании богатырского коня эмоционально окрашенной лексики (*на коня накладывает потничек, // а на потничек накладывает войлочек, // потничек он клал да ведь шелковенькой, // а на потничек подкладывал подпотничек, // на подпотничек седелко клал черкасское*), а также фонетических, лексических и грамматических архаизмов, в том числе и отражающих географическую локализацию репрезентации русской былинной традиции (*там есть конь богатырский тебе // со всеми-то поспехамы да богатырским*)¹.

В русской былинной традиции наиболее детально разработан образ Бурушки, богатырского коня Ильи Муромца – самого старшего из «младших» богатырей киевского цикла. Исследователи выделяют несколько мотивов, связанных с образом этого коня. Во-первых, обращает на себя внимание мотив обретения коня и сопутствующих этому испытаний главного персонажа былины: так, например, в «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым» Илья по совету волхвов, не торгуясь, покупает у прохожего мужика «*жеребчика немудрого, бурого жеребчика, косматенького*» и в результате хорошего ухода и выучки получает богатырского коня: *Становил жеребчика в сруб на три месяца, // Кормил его пшеном белояровым, // Поил свежей ключевой водой, // И прошло поры-времени три месяца, // Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать, // В три росы его выкатывал, // Подводил ко тыну ко високому, // И стал бурушко через тын перескакивать // И в ту сторону и в другую сторону* (Исцеление Ильи Муромца²), а в собрании былин С. А. Азбелева обретению коня Ильей Муромцем предшествовало испытание его богатырской силы – животное предлагалось извлечь из-под камня вместе с другими богатырскими атрибутами: *Отправлялся Илей к стольному городу ко Киеву, // Пришел к тому камени неподвижному, // На камени была подпись да подписана: // «Илей, Илей, камень сопри с места неподвижного, // Там есть конь богатырский тебе, // Со всеми-то поспехамы да богатырским, // Там есть-то шуба соболиная, // Там есть-то плеточка шелковая, // Там есть-то палица булатная*. Богатырский конь становился верным помощником богатыря, лишь испытав на себе его силу и покорившись богатырской

жанрах фольклора народов Дагестана // *Oriental Studies*. – URL: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-23-1-243-249> (дата обращения: 28.11.2019) и др.

¹ Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора. Лексика былинных текстов. – Курск: КГПУ, 1999. – 250 с.; Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – 373 с.; Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка. – Москва: Кругъ, 2009. – 312 с.; Ухов П. Д. Атрибуции русских былин. – Москва: МГУ, 1970. – 190 с. и др.

² Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. – Москва: Сотрудник школ, 1909. – Т. 1. – № 51.

мощи: *Проговорил конь голосом человеческим: // «Ай же, старóй казак Илья Муромец, // Илья Муромец сын Иванович, // Знай ты мной управлять: дал тебе господь коня да богатырского, // Послал господь ангелов милостливых // На твоё рожденное на место, // Дал тебе господь руже-нозе»* (Первые подвиги Ильи Муромца¹). Богатырь проявляет неизменную заботу по отношению к коню, тщательно экипируя его перед сражениями: *Стал добра коня он заседывать, // На коня накладывает потничек, // А на потничек накладывает войлочек, // Потничек он клал да ведь шелковенькой, // А на потничек подкладывал подпотничек, // На подпотничек седелко клал черкасское, // А черкасское седельшко недержано, // И подтягивал двенадцать подпругов шелковых, // И шилечики он втягивал булатнии, // А стремяночки покладывал булатнии, // Пряжечки покладывал он красна золота, // Да не для красы-угожества, // Ради крепости все богатырской, // Еще подпруги шелковы тянутся, да оны не рвутся, // Да булат железо гнется, не ломается, // Пряжечки-ты красна золота, // Оне мокнут, да не ржавеют* (Илья Муромец и Калин Царь²).

Второй важный мотив – это мотив помощи коня богатырю в его ратных подвигах. Богатырский конь обладает невиданной силой, выносливостью и ловкостью: их гиперболизированное описание мы видим во многих былинных текстах: *Он спустил добра коня да богатырского, // Он поехал-то дорожкой прямоезжею, // Его добрый конь да богатырский // С горы на гору стал перескакивать, // С холмы на холмы стал перемахивать, // Мелки реченьки, озера промеж ног пускал* (Илья Муромец и Соловей Разбойник³). К тому же богатырский конь владеет речью, он способен дать совет своему хозяину: *Не написано тебе, старóй казак Илья Муромец, // Илья Муромец сын Иванович, // Не писана тебе смерть на убоищи* (Первые подвиги Ильи Муромца⁴). Вместе с тем при описании столкновения Ильи Муромца с соперниками невероятной силы богатырский конь может проявить признаки слабости: *Засвистал-то Соловей да по-соловьему, // Закричал злодей-разбойник по-звериному, // Так все травушки-муравы уплетались, // Да й лазоревы цветочки осыпалися, // Темны лесушки к земле все приклонилися, // Его добрый конь да богатырский, // А он на корни да спотыкается*, на что богатырь отзывается «поучением» и плеткой, возвращая коню присутствие духа: *Ай как старóй-от казак да Илья Муромец // Берет плеточку шелковую в белу руку, // А он бил коня да по крутым ребрам, // Говорил-то он, Илья, таковы слова: // - Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок! // Али ты идти не хошь, али нести не можь? // Что ты на корни, собака, спотыкаешься? // Не слышал ли посвиста соловьего, // Не слышал ли покрика звериного, // Не видал ли ты ударов богатырских?»* (Илья Муромец и Соловей Разбойник⁵). В описании всех подвигов Ильи Муромца так или иначе упоминается участие богатырского коня: *Стал*

¹ Былины / под редакцией С. Н. Азбелева. – Ленинград: Лениздат, 1984. – 398 с.

² Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1951. – Т. 3. – № 257.

³ Там же. – Т. 2. – № 74.

⁴ Былины / под редакцией Б. Н. Путилова. – Ленинград: Советский писатель, 1986. – 552 с.

⁵ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1951. – Т. 2. – № 74.

он силушку конем топтать, // Стал конем топтать, копьем колоть, // Стал он бить ту силушку великую (Илья Муромец и Калин Царь¹).

Семантический инвариант «богатырский конь» в цикле мультипликационных фильмов о русских богатырях представляет довольно значительная группа персонажей. Их номинация и речевая характеристика весьма разнообразны, вместе с тем состав этой группы и речевая репрезентация каждого из персонажей в отдельности, с одной стороны, убеждают нас в том, что в трех первых фильмах данного цикла былинная прецедентная основа сохраняется весьма отчетливо, а с другой стороны, объясняют логику ее трансформации: ведущим стилистическим приемом здесь становится *бурлеск*, комическая несовместимость формы и содержания языковых единиц, намеренное нарушение принципа тематической уместности их выбора в тексте². Характеризуя прием бурлеска в данном мультфильме, следует сказать, что его основу составляет *низкий бурлеск*: героические подвиги богатырей описываются с помощью бытового диалога, просторечной лексики. Кроме того, фразы былинного слога, репрезентирующие фольклорную образность, сочетаются с визуальными иллюстрациями бытовых, обыденных, неблагоприятных действий.

Номинации многих зооморфных спутников былинных богатырей представляют собой примеры комбинаторного бурлеска, сочетания внутри одной фразы стилистически разнородных номинативных единиц (*слон Бизнес, верблюд Вася, ослик Моисей, конь Гай Юлий Цезарь*). На данном фоне явно выделяется исходное звено: богатырский конь *Бурушка*, верный спутник самого старшего из богатырей – Ильи Муромца. Именно этот конь наиболее полно охарактеризован в русском былинном эпосе, что, по нашему мнению, сделало образ Бурушки самым близким к оригиналу. В мультипликационном фильме «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (2007)³ об этом свидетельствует внешний вид богатырского коня, а также система его речевых характеристик: это «*добрый конь*», «*Бурушка-косматушка*», «*сокол ясный*» в устах хозяина и его друзей и «*тупая скотина*» в восприятии врагов, которые, впрочем, узнав, что Бурушка способен извергать из себя золото, кардинально меняют его речевую характеристику на «*лошадку*», «*коня волшебного*» и «*коня предивного*». В образе Бурушки тем не менее присутствуют и новые черты. Так, в отличие от былинной традиции, за пределами сюжета анимационного фильма оказывается обретение Ильей Муромцем богатырского коня, а испытания героя по отношению к нему фокусируются в сфере реализации мотива *вредительства*, свойственного волшебной сказке: князь киевский, отправляя богатыря на отдых, приказывает поставить коня в свою конюшню, лишая Илью Муромца части его богатырской силы, принуждая «*друга верного у князя выкупить*», а потом и вовсе заставляя отправиться в погоню за якобы укравшим коня Соловьем-разбойником и совершить выгодное князю путешествие в Царьград за киевским золотом. Бурушка в «богатырских» мультфильмах отличается также тем, что в этом образе обнаруживается интертекстуальная связь с

¹ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1951. – Т. 3. – № 257.

² Москвин В. П. Бурлескный стиль: опыт типологии // Журнал Известия Российской академии наук: Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – № 6. – С. 25–37.

³ Илья Муромец и Соловей Разбойник. 2007. – URL: <https://onlinemultifilmy.ru/ilya-muromec-i-solovej-razbojnik> (дата обращения: 28.11.2019).

другими волшебными животными: так, сила богатырского коня оказывается сосредоточенной в его волшебной гриве (ср., например, с описанием *Индрика-зверя*¹, гривой которого служит живое пламя) и подкове – традиционном символе счастья, удачи, богатства, домашнем обереге², а способность извергать из себя деньги роднит мультипликационного Бурушку с персонажами советской мультипликации: *Золотой антилопой* в одноименном мультфильме, созданном по мотивам индийских легенд (режиссер Л. Атаманов, 1954 г.), и *Серебряным Копытцем* – волшебным козленком из одноименного сказа П. П. Бажова, по которому также был снят рисованный мультипликационный фильм (режиссер Г. Сокольский, 1977 г.).

Следует обратить внимание еще и на то, что в отличие от былинной классики у Ильи Муромца в «богатырских» мультфильмах не один спутник, а два: именно Илью, отличающегося особенной лаской и добротой по отношению к животным («*Кто духом слаб, у того животное в опале*»), выбирает своим хозяином «чудище заморское» – слон Бизнес, влачивший незавидное существование в неволе у местного «предпринимателя», обманом заставлявшего чужестранцев залезать на слона и взымавшего с них деньги за возможность с него слезть. Илья выручает Бизнеса из плена: «*Разве можно с животной так разговаривать? Она, как человек, ласку любит. Ух, ты, хороший-хороший. Мы тебя не обидим. Откуда ж такой чудной зверь взялся?*», а тот в свою очередь помогает Илье выбраться из глубокого колодца. В конце мультфильма верхом на Бизнесе возвращаются из Царьграда все спутники Ильи Муромца.

Параллелизм взаимодействия богатыря и его зооморфного спутника находит свое проявление и в других образах «богатырского» цикла мультфильмов. Коню Бурушке – верному спутнику Ильи Муромца – соответствует жеманная и кокетливая кобылка Аленушки-летописца, ставшей впоследствии – по сюжету мультфильма – женой богатыря. «Конем» Добрыни Никитича в мультипликационном фильме «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006)³ по недосмотру богатырского «ученика» Елисея оказывается верблюд Вася. Сочетание экзотического вида животного, обитателя иной природной среды, с предельно будничным, традиционно «кошачьим» именем определяет его комическую роль в сюжете мультфильма. Оставаясь молчаливым, Вася реагирует на происходящие события и действия окружающих выразительной мимикой. Речевые характеристики данного персонажа либо эксплицируют его непохожесть на других богатырских коней: «*Это самый уродливый конь, которого я когда-либо видел*» (Змей Горыныч), «*горбатый*» (Кольван)⁴, либо выражают полярные оценки этого животного: «*глупое животное*» (Елисей), «*чудо-конь*» (Змей Горыныч), либо транслируют свойства верблюда как объекта торговой рекламы:

¹ Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / составители Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. – Москва: Московский рабочий, 1991. – С. 34–48.

² См., например, об этом: Подкова – традиционный символ. – URL: http://astro-sovetnik.ru/podveska-podkova-znachenie_1993.html (дата обращения: 28.11.2019).

³ Добрыня Никитич и Змей Горыныч. 2006. – URL: <https://onlinemultifilm.ru/dobrynya-nikitich-i-zmej-gorynych> (дата обращения: 28.11.2019).

⁴ Отсылка к реплике Глеба Жеглова из заключительной серии фильма «Место встречи изменить нельзя»: «*А теперь горбатый, я сказал - горбатый...*». – URL: <http://xn--b1agaljvudi.xn--p1ai/film/mesto-vstrechi-izmenit-nelzya.html> (дата обращения: 28.11.2019).

«Этого можно и не кормить вовсе» (Елисей), «А так это же верблюд. Ты что, Горыныч, верблюда никогда не видал? Быстр, вынослив, и кормить совсем не надо» (Добрыня). Хотя не все рекламируемые качества Васи соответствуют действительности, во время приключений главных героев мультфильма он демонстрирует свою выносливость и скорость передвижения, усиливающуюся при приближении опасности, оказывается достойным спутником Добрыни Никитича и, в конце концов, оказывается в конюшне своего хозяина.

Наиболее интересные варианты образа богатырского коня связаны с младшим, «непутевым» богатырем Алешей Поповичем, подвиги которого описывает первый мультфильм «богатырского» цикла «Алеша Попович и Тугарин Змей» (2004)¹. Алеша Попович отправляется в погоню за ростовским золотом один. Тихон, увязавшись за ним, в вихре цыганского танца выменивает богатырский меч на богатырского коня с завязанной мордой. Причем выясняется, что морда завязана у коня не оттого, что он кусается, а потому, что тот умеет говорить. Конь невероятно удивлен реакции Алеши и Тихона на его речь: «Ну, почему всегда такая реакция? Че вы разволновались-то? Ну, успокойтесь! Дышите полной грудью. Вот так, хорошо!» Конь представляется: «Зовут меня Гай Юлий Цезарь. Ну, делая скидку на ваше образование, можете звать меня просто Юлий! Меня назвали в честь великого римского полководца и императора. Я ведь до того, как меня цыгане украли, при храме новгородском был, там множество книг занятных хранится». Обращенное к коню традиционное богатырское напутствие: «Служи мне верно, богатырский конь. Не оставь меня ни мертвым, ни раненым, ни серым волкам на растерзание, ни черным воронам на расклевание, врагам на поругание. Где б мы ни были, домой привези» – явно контрастирует и с репликами говорящего коня, и с его действиями, создавая комический эффект. Здесь явно обнаруживает себя интертекстуальный бурлеск, основу которого составляет *травестирование*, парафраз прецедентного текста либо с сохранением его исходной стилистической характеристики, либо с ее снижением.

Конь Юлий – единственный в цикле «богатырских» мультфильмов говорящий конь. Его речь отличается недюжинным лексическим богатством, она весьма разнообразна в стилистическом и интонационном отношениях, демонстрирует многообразие коммуникативных приемов. В мультфильме это также единственный герой, который умеет читать, он примеряет на себя коммуникативные роли парламентаря (пытается уладить конфликты разговором, а не силой: «В мире сейчас все решает дипломатия. Может, стоит поговорить с этими ребятами, найти к ним подход? Сыграть на их чувствах?»), руководителя (указывает героям, что делать) и советчика при богатыре. В обращенных к Алеше Поповичу и его спутникам репликах нередко звучит ирония: «Да, недостаток пищи в молодом организме способствует скорейшему отмиранию клеток головного мозга, если таковые имеются»; «Нет, риск, конечно, дело благородное, но ничто не подчеркнет моего благородства лучше, чем дорогая сбруя и золотые подковы!»; конь Юлий относится к своим спутникам свысока: «Как он пройдет по бревну, он же осел!?!». В речи Юлия активно используются всевозможные маркеры манипулятивного общения: например, слова, с

¹ Алеша Попович и Тугарин Змей. 2004. – URL: http://melnitsa.com/project/alyosha_popovich_i_tugarin_zmey (дата обращения: 28.11.2019).

помощью которых говорящий стремится уменьшить значимость обсуждаемой проблемы («Я *просто* забочусь об успехе кампании»), или эмоционально окрашенные фразы, отвлекающие внимание собеседника от обсуждаемого вопроса («Господи, как... как это низко – указывать человеку на его недостатки в критической ситуации») и др. Юлий не оставляет попыток поделить ростовское золото до тех пор, пока Алеша не выходит из себя: «Если ты сейчас не заткнешься, то я отдам тебя живодерам, и они из тебя мигом ... колбасу сделают!» Однако и из этой ситуации конь пытается выкрутиться: «Вот за это я его и люблю! Не поддался на провокацию». На протяжении всего путешествия Алеша Попович лишь несколько раз использует богатырского коня по его прямому назначению; чаще, наоборот, богатырь несет коня на себе, так как тот от страха упал в обморок, ударился или устал. Юлий просит героя пройти пешком: «А то спина так разболелась!» Оказавшись в мешке вместо золота и служа приманкой для Тугарина, конь пытается и с ним сторговаться: «Знаю, знаю! Золотом надо делиться! Как насчет: тебе сорок, а мне – шестьдесят? Что думаешь? Хорошо, хорошо! Пополам!»

Юлий неоднократно демонстрирует свою богатую эрудицию: пытается провести физические расчеты для перехода через реку («Я предлагаю так. Здесь подсечный механизм, нам понадобится несколько деревьев. Делаем расчет: сила тяжести, сила ускорения...»), пишет фразу «Здесь был Юлий» на разных языках, цитирует китайского стратега и мыслителя Сунь-цзы («Мы с Моисеем считаем, что лучшая битва – это та, которой не было!») и др. Но при всей своей эрудированности, сообразительности и уме конь Юлий нередко попадает в непростые ситуации: виной тому оказывается поиск легкой наживы, стремление найти максимально простой выход из ситуации за чужой счет. Так, Юлий становится жертвой организаторов азартных игр «на полцарства», он настолько ослеплен своим начальным успехом, что не замечает обмана, а проиграв, просит об отсрочке: «Мне нужен кредит». Былинный сюжет и слог других персонажей резко контрастируют с действиями и словами богатырского коня, вкрапление в его реплики лексики различных функциональных подсистем языка и формул научной, маркетинговой и разговорной речи подчеркивают комичность героя. Обращает на себя внимание характерная для Юлия фраза, выражающая эмоциональное несогласие с собеседником: «Не смешите мои подковы» – она, с одной стороны, построена по аналогии с узуально закрепленными устойчивыми сочетаниями просторечного и жаргонного характера *не смейся мои тапочки / подметки / шнурки* и т. д. «не говори глупости»¹, а с другой стороны, явно репрезентирует зооморфную природу характеризуемого ею персонажа (*подковы*).

В сюжете мультфильма про Алешу Поповича конь Юлий заводит собственного компаньона – трудолюбивого и молчаливого ослика Моисея, на спине которого периодически оказываются различные спутники Алеши – невеста Любава, ее бабка или воспитатель Тихон. Конь Юлий – не просто спутник богатыря, он является особым типом героя. На основании представленной характеристики можно сделать вывод о том, что говорящий конь Юлий, спутник Алеши Поповича, эволюционирует от образа богатырского коня к образу *трикстера*, зоо- и отчасти антропоморфного ан-

¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – Москва: Олма Медиа Групп, 2007. – С. 111.

типода главного персонажа¹. Он действует не по общепринятым правилам и нередко становится причиной сложных ситуаций не столько по злему умыслу, сколько стремясь отыскать иное решение возникшей перед ним проблемы, проявляет такие свойства классического плута, как глупость, склонность к авантюризму и хитрость, проявление которой обычно влечет за собой жизненные сложности. В последующих сериях конь Юлий, весьма удачная находка авторов мультфильма, выступает как спутник и советник князя Владимира, хранитель его библиотеки. Говорящий конь не раз становится причиной различного рода приключений князя и его приближенных.

Выводы

Образ богатырского коня в цикле «киевских былин» и в поликодовом контенте мультипликационных фильмов, созданных на их основе, сохраняет свои базовые черты: этот конь достоин своего хозяина, составляет вместе с ним устрашающее для врагов боевое единство, он беззаветно предан богатырю, а своей силой и мощью во многом обязан его любви, заботе и уходу. Наиболее полно черты богатырского коня и в исходном тексте, и в тексте мультфильма воплощает Бурушка, конь Ильи Муромца – старшего среди трех богатырей, образ которого представлен наиболее традиционно, несмотря на все новации мультипликационного контента. Спутники остальных богатырей транслируют логику трансформаций их образов во вторичном тексте: одноконный в своей «правильности» Добрыня совершает подвиги верхом на невозмутимом в своем движении по избранному пути верблюде, а «непутевый» Алеша приобретает в качестве спутника «антиконя» Юлия – не преданного своему владельцу, не расположенного к походным тяготам и лишениям болтуна и авантюриста. Речевая репрезентация образов богатырских коней в «богатырском цикле» мультфильмов, а в особенности последнего из них, во всей полноте реализует стилистический прием бурлеска, причем интертекстуальный бурлеск – *травестия* – по нашему мнению, выполняет здесь текстообразующую функцию.

Литература

Алеша Попович и Тугарин Змей. 2004. – URL: http://melnitsa.com/project/alyosha_popovich_i_tugarin_zmey (дата обращения: 28.11.2019).

Алиева Ф. А. Образ коня в эпических жанрах фольклора народов Дагестана // *Oriental Studies*. – URL: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-23-1-243-249> (дата обращения: 28.11.2019).

Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора. Лексика былинных текстов. – Курск: КГПУ, 1999. – 250 с.

Былины / под редакцией Б. Н. Путилова. – Ленинград: Советский писатель, 1986. – 552 с.

Былины / под редакцией С. Н. Азбелева. – Ленинград: Лениздат, 1984. – 398 с.

Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1949–1951.

Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / составители Л. Ф. Солющенко, Ю. С. Прокошина. – Москва: Московский рабочий, 1991. – 351 с.

¹ Мифологический словарь / под редакцией Е. М. Мелетинского. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.

Добрыня Никитич и Змей Горыныч. 2006. – URL: <https://onlinemultifilm.ru/dobrynya-nikitich-i-zmej-gorynych> (дата обращения: 28.11.2019).

Илья Муромец и Соловей Разбойник. 2007. – URL: <https://onlinemultifilm.ru/ilya-muromec-i-solovej-razbojnik> (дата обращения: 28.11.2019).

Карпова В. В. Концепт «чудо» в вологодской волшебной сказке: функции текстообразования, система лексических и грамматических репрезентаций: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2018. – 214 с.

Кокарев И. С. Идея богатырства в русской культуре: дис. ... канд. культурологии. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. – 155 с.

Кульсарин Н. Г. Образ богатыря в русском и башкирском героическом эпосе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: [б. и.], 2014. – 24 с.

Место встречи изменить нельзя. – URL: <http://xn--b1agaljvudi.xn--p1ai/film/mesto-vstrechi-izmenit-nelzya.html> (дата обращения: 28.11.2019).

Мифологический словарь / под редакцией Е. М. Мелетинского. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.

Мифы народов мира. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Mifologia (дата обращения: 28.11.2019).

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – Москва: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.

Москвин В. П. Бурлескный стиль: опыт типологии // Журнал Известия Российской академии наук: Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – № 6. – С. 25–37.

Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – 373 с.

Подкова – традиционный символ. – URL: http://astro-sovetnik.ru/podveska-podkova-znachenie_1993.html (дата обращения: 28.11.2019).

Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. – Москва: Сотрудник школ, 1909–1910.

Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка. – Москва: Кругъ, 2009. – 312 с.

Торопчина Л. В. Возвращение к истокам, или вновь о героях русских былин // 1 сентября. Литература. – 2010. – № 10. – С. 12–14.

Ухов П. Д. Атрибуции русских былин. – Москва: МГУ, 1970. – 190 с.

Черноусова И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале концептосферы волшебной сказки и былины): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Елец: [б. и.], 2015. – 51 с.

References

Alesha Popovich i Tugarin Zmei. 2004. [Alyosha Popovich i Tugarin Zmey (Alyosha Popovich and Tugarin the Serpent). 2004]. Available at: http://melnitsa.com/project/alyosha_popovich_i_tugarin_zmey (accessed: 28.11.2019).

Alieva F. A. *Obraz konia v epicheskikh zhanrakh fol'klora narodov Dagestana* [The image of the horse in the epic genres of folklore of the peoples of Dagestan]. *Oriental Studies*. Available at: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-23-1-243-249> (accessed: 28.11.2019).

Bobunova M. A., Khrolenko A. T. *Slovar' iazyka russkogo fol'klora. Leksika bylinnykh tekstov* [Dictionary of the language of Russian folklore. Vocabulary of the bylina texts]. Kursk: KGPU, 1999. 250 p.

Byliny [Bylinas; ed. by B. N. Putilov]. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1986. 552 p.

- Byliny* [Bylinas; ed. by S. N. Azbelev]. Leningrad: Lenizdat, 1984. 398 p.
- Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onezhskiy bylinas written by A. F. Gilferding in the summer of 1871: in 3 volumes]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949–1951.
- Golubinaia kniga: Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vv.* [Book of the Dove: Russian folk spiritual verses of the 11th–19th centuries; compiled by L. F. Soloshchenko, Iu. S. Prokoshina]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1991. 351 p.
- Dobrynia Nikitich i Zmei Gorynych.* 2006. [Dobrynya Nikitich i Zmej Gorynych. 2006]. Available at: <https://onlinemultfilmy.ru/dobrynya-nikitich-i-zmej-gorynych> (accessed: 28.11.2019).
- Il'ia Muromets i Solovei Razboinik.* 2007. [Ilya Muromets i Solovey Razboinik (Ilya Muromets and Nightingale the Robber). 2007]. Available at: <https://onlinemultfilmy.ru/ilya-muromec-i-solovej-razboinik> (accessed: 28.11.2019).
- Karpova V. V. *Kontsept "chudo" v vologodskoi volshebnoi skazke: funktsii tekstoobrazovaniia, sistema leksicheskikh i grammaticheskikh reprezentatsii* [The concept "miracle" in Vologda wonder story: functions of text formation, the system of lexical and grammatical representations: PhD thesis in Philology]. Vologda, 2018. 214 p.
- Kokarev I. S. *Ideia bogatyrstva v russkoi kul'ture* [The idea of bogatyrs in the Russian culture: PhD thesis in Culturology]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2017. 155 p.
- Kul'sarin N. G. *Obraz bogatyria v russkom i bashkirskom geroicheskom epose* [Bogatyr image in the Russian and Bashkir heroic epic: abstract PhD thesis in Philology]. Ufa, 2014. 24 p.
- Mesto vstrechi izmenit' nel'zia* [The meeting place cannot be changed]. Available at: <http://xn--b1agaljvudi.xn--p1ai/film/mesto-vstrechi-izmenit-nelzya.html> (accessed: 28.11.2019).
- Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary; ed. by E. M. Meletinskii]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1990. 672 p.
- Mify narodov mira* [Myths of the World]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Mifologia (accessed: 28.11.2019).
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of the Russian proverbs]. Moscow: Olma Media Grupp, 2007. 784 p.
- Moskvin V. P. *Burlesknyi stil': opyt tipologii* [Burlesque style: towards a typology]. *Zhurnal Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk: Serii literatury i iazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and language], 2011, vol. 70, no. 6, pp. 25–37.
- Novikov Iu. A. *Skazitel' i bylinaia traditsiia* [The tale-teller and the bylina tradition]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000. 373 p.
- Podkova – traditsionnyi simvol* [Horseshoe – a traditional symbol]. Available at: http://astrosovetnik.ru/podveska-podkova-znachenie_1993.html (accessed: 28.11.2019).
- Rybnikov P. N. *Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym: v 3 t.* [Songs collected by P. N. Rybnikov: in 3 volumes]. Moscow: Sotrudnik shkol, 1909–1910.
- Selivanov F. M. *Poetika bylin v istoriko-filologicheskom osveshchenii: kompozitsiia, khudozhestvennyi mir, osobennosti iazyka* [Bylina poetics in the historic and philological context: composition, imagery world, language peculiarities]. Moscow: Krug", 2009. 312 p.
- Toropchina L. V. *Vozvrashchenie k istokam, ili vnov' o geroiakh russkikh bylin* [Returning to our origins, or about characters from the Russian bylinas]. *1 sentiabria. Literatura* [1 September. Literature], 2010, no. 10, pp. 12–14.
- Ukhov P. D. *Atributsii russkikh bylin* [Attributions of the Russian bylinas]. Moscow: MGU, 1970. 190 p.
- Chernousova I. P. *Iazyk fol'klora kak otrazhenie etnicheskoi mental'nosti (na materiale kontseptosfery volshebnoi skazki i byliny)* [Folklore language as a reflection of the Russian mentality (to

wards the conceptual sphere of a wonder story and a bylina): abstract Dr. thesis in Philology]. Elets: Eletsii gosudarstvennyi universitet im. I. A. Bunina, 2015. 51 p.

Для цитирования: Тиво В. С. Вербализация образа богатырского коня: от былины к мультфильму // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 2 (95). – С. 117–128. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-2-95-9

For citation: Tivo V. S. Verbalization of the heroic horse image: from the bylina to the animated film. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 2 (95), pp. 117–128. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-2-95-9